

Дарья Кузнецова

Эпилог к концу света

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К89

Кузнецова, Д.

К89 Эпилог к концу света / Д. Кузнецова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 260 с. — (Проза Дарьи Кузнецовой).

ISBN 978-5-521-91458-6

Стеваль Жгущая — маг крови с тяжелым характером, отчего и страдает. Сначала её отослали подальше от родных лесов в составе исследовательской миссии, потом местные дикари украли, а потом такое началось — только успевай удивляться!

Но Стеваль не пропадёт: она способна постоять за себя даже там, где это не нужно. И дикарям поможет, и тайну древней катастрофы, изменившей этот мир, разгадает, и домой вернётся — в идеале. Только одна проблема не поддаётся решению: Чингар, вождь инчи-ров, который выводит из себя одним своим видом и явно задался целью поломать все планы...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Дарья Кузнецова, текст, 2021
© Екатерина Бурлакова, дизайн
обложки, 2021

© RUGRAM, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-91458-6

Глава 1

«Если утро начинается со ржания пары молодых ослов, страшно предположить, чем закончится день», — думая так или почти так, я, на ходу затягивая шнурком косу, беззвучно покинула шатёр, чтобы оценить обстановку снаружи. Я даже представить не могла, что с утра пораньше могло вызвать подобный приглушённо-глумливый хохот этих молодчиков, но понимала: ничего хорошего.

Тонкое полотнище палатки защищало от дождя и ветра, а вот звуки как будто даже усиливало, так что привлёкшие моё внимание весельчаки вполне могли находиться достаточно далеко. Это, прямо скажем, было в их интересах, потому что дурачиться рядом с моим шатром могут только смертники. Особенно если веселье связано со мной или моими вещами: вся команда знает, что Стеваль Жгущая шуток в свой адрес не понимает и быстро напоминает незадачливым весельчакам, почему она гораздо шире известна как Стерва Злющая. Да и вообще, ссориться с единственным целителем в команде — идиотов нет.

Как оказалось, желание жить пара матросов утратила не до конца. За моим «домом» они только прятались, и то лишь потому, что располагался он на краю лагеря, а объект наблюдения находился за пределами последнего. Глянув поверх голов парней, я увидела на поляне аборигена, который пытался собирать не то ягоды, не то какие-то травы.

Местные мужчины вообще не отличаются крепким телосложением, особенно в сравнении со своими крупными женщинами, полнотелыми и широкобёдрыми; они, высокие и тонкие, похожие на вешалки, кажутся забавными и нелепыми. Но что поделать, у аборигенов явный матриархат, женщины крупнее и сильнее, выполняют всю тяжёлую работу — обрабатывают землю, выделывают кожу, — а мужчин довольно мало, и они на подхвате. На наш взгляд, конечно, выглядит дико, но они-то так привыкли.

Объектом веселья матросов был совсем ещё мальчишка, худенький и невысокий, с всклокоченными, коротко остриженными чёрными волосами — видимо, длинные гривы полагались только взрослым. И вот этот долговязый сверчок, состоящий из одних конечностей, двигался как пьяный: то и дело падал, спотыкаясь на

ровном месте, тыкался носом в траву, и каждое такое движение сопровождалось взрывом хохота притаившейся парочки.

Приглядевшись, я обнаружила и причину неуклюжести мальчишки: травинки будто сами собой сплетались, ставя ему подножки или дёргая за длинную бахрому штанов, а потом распрямлялись и невинно покачивались под налетающим с моря ветерком.

Сами собой, ну да.

Я отошла на шаг, оценив композицию. Весельчаки выглядывали на разных уровнях: один согнулся ниже, придерживаясь за край шатра, второй — стоял позади и вытягивал шею, тоже инстинктивно наклонившись и оттопырив зад для равновесия; выглядело заманчиво. Уши обоих возбуждённо подрагивали.

Конечно, проигнорировать предложенную мишень я не сумела, и тяжёлая кованая подмётка сапога впечаталась в филей со смачным шлепком, придав ускорения. Вскрикнув от неожиданности, один осёл повалился вперёд, погребая под собой сообщника.

— Да я тебе клинок сейчас в за... — Взбешённая жертва моего сапога, перекатившись по земле, подскочила, красноречиво придерживая место удара, и осеклась на полуслове. Лицо его вытянулось и слегка побледнело.

— Ордизель и Абсерваль, кто бы сомневался, — нараспев проговорила я, хотя личности весельчаков не вызывали сомнений изначально: в команде полсотни голов, а таких обиженных умом всего двое. — Значит, развлекаемся?

— Стиваль, ну мы же ничего такого... — виновато заблеял мелко трясущийся Абель.

Зелёна мать, ну какой всё же трус!

Впрочем, оба хороши. Корабль нагрузили ими, кажется, с единственной целью: хоть на короткое время избавить родные леса от этого позора, сопроводив сие действие благородной формулировкой «чтобы возмужали и набрались мудрости в полном опасностей странствии». Вопрос, чем провинились все остальные члены экипажа, конечно, остался без ответа.

Как, впрочем, и в случае со мной, но я хоть пользу приношу.

— Скучаем, значит? — продолжила я прежним сладким голосом и потянула из ножен клинок. — Ну так я сейчас развеселю. Оружие к бою, помёт Бездны!

— Стиваль, но мы безоружны! — поддержал приятеля Одэль.

— Это ваши проблемы! С ребёнком справились? Молодцы! — похвалила я, доставая одного из балбесов клинком плашмя. Теперь за задницу держались оба. — Самое время подобрать противника посложнее и показать свою мощь женщине. Ну же, дохлятина, вы же сильные маги, травой повелеваете!

Гоняла я их долго. Нет, взмолились о пощаде шутники сразу, следом попытались сопротивляться пассивно, то есть сжавшись на траве. Но благословлённая Алой Девой сталь и сдобренные моей руганью пинки неизменно оказывали бодрящее действие.

Прекратил потеху, как ему и положено, капитан. Видимо, он с утра пораньше зачем-то поднимался на корабль, поэтому начало веселья пропустил. А вот потом, привлечённый хохотом и подначками (эта парочка утомила своей дуростью всю команду), обнаружил добрую треть подчинённых на той самой поляне, где местный мальчишка, утёкший в самом начале воспитательной акции, занимался собирательством. Оставшаяся часть команды, очевидно, занималась чем-то полезным в других местах.

— Сталь, можно отвлечь тебя на минуту? — окликнул капитан. Явно нехотя: Лераль, конечно, мужик что надо, чистого металла, но даже он бы с большим удовольствием понаблюдал за показательной поркой. Однако он потому и капитан, что умеет наступать на горло собственным желаниям.

— Мази не дам, — предупредила я охающую парочку, которая, потирая синяки, предсказуемо поспешила удрать. Вложив клинок в ножны, я подошла к капитану. — Ты по делу или порядка для?

— И то и другое, — он улыбнулся уголками губ и жестом предложил пройтись.

И внешностью, и характером Лераль — буквально эталон инеля, сына лесного народа. С красивым породистым лицом и зелёными глазами, высокий — аж на ладонь выше меня, — жилистый, очень сильный и быстрый, в поединке он делает меня минуты за две, иногда за пять. Но такому не стыдно проигрывать, Леля я уважаю вполне искренне: он твёрд, благороден, смел, умён и обладает потрясающей выдержкой. Да ещё холостой. В него влюблено почти всё женское население столицы за редким исключением вроде меня. Собственно, именно поэтому мы с ним давние, но эпизодические любовники: он знает, что я не потащу его к жрецам и горяча не только на расправу, а я знаю, что он умеет сделать женщине приятно и держать язык за зубами.

— Для начала скажи, что они опять натворили? — уточнил капитан.

— Ничего такого, над мальчишкой-дикарём издевались. Нет, не подумай, без особой жестокости, просто из травы подножки ставили. Но они так заразительно ржали у моего шатра, что я решила поддержать веселье, — вкратце пояснила я. — Что там произошло помимо этого?

— Собственно, речь всё о тех же дикарях, — посерьёзnel мужчина и нервно дёрнул ухом. — Меня настораживает их поведение. Вчера всё было спокойно, а сегодня — они явно собираются сняться с места, и собираются, мне кажется, весьма поспешно.

— Ну не так уж поспешно, — возразила я. — Они ведь вчера закончили сбор урожая.

— Если бы они бросили своё хозяйство, мы бы с тобой разговаривали не здесь, а на корабле, — парировал Лель. — А сейчас они не бегут, они организованно отступают.

— Погоди, и правда! Они же вроде какой-то праздник готовили, — сообразила я. — Передумали?

— Попробуй выяснить, — попросил мужчина. — Может, они хоть тебе объяснят, потому что больше никто ничего не понял. Вестников с приказом возвращаться я в любом случае разослал всем группам, лучше перестраховаться, но и уточнить масштабы проблем нелишне. Сделаешь? Ты этих дикарей лучше всех понимаешь.

— Я не назвала бы это пониманием, но — попробую, — нехотя согласилась я. Тащиться по солнцепёку к дикарям, да ещё до завтрака, не хотелось совершенно, но... не могу отказать, когда вежливо просят. Воспитание, будь оно неладно.

— Спасибо, — улыбнулся Лель, сжав моё плечо. — Я понимаю, что это вообще не относится к твоим обязанностям, только...

— Не умеешь ты подлизываться, — хмыкнула я. — С тебя массаж вечером.

— Уже готовлю мировое масло, — заверил капитан вкрадчивым, многозначительным тоном, а я, окинув его взглядом, выразительно облизнулась.

На том и разошлись, довольные друг другом: я к дикарям, он обратно в лагерь.

В небольшой компании, плывущей на одном корабле, а потом обитающей в одном лагере, сложно соблюсти тайну встреч, болтовня же не нужна ни мне, ни капитану. И ситуация получилась бук-

важно басенная: вожделенная цель рядом, манит, дразнится, даже потрогать можно, а вот получить — ни-ни. Конечно, по-быстрому где-нибудь в укромном углу успеть всегда можно, но зачем? Не так уж сильно допекает отсутствие интима, чай не подростки.

Не знаю, как Лераль собирался устраивать приятный вечер на двоих, но слово он держит всегда, а с мыслями о приятном определённо легче идти. И я уверенно шагала прочь от побережья.

Злые воды — океан, раскинувшийся к югу от Семилесья, давно будоражил мятущиеся души. Ходили легенды о том, что за пеленой жестоких штормов и силовых бурь лежат неизведанные земли. Не очередной из множества островов, разбросанных вокруг принадлежащих нам земель, не ненасытные льды Севера, от чьего наступления нас оберегают Скрепы, а ещё одна настоящая суша. Большинство легенд сходились на том, что земля эта мёртвая, проклятая, что когда-то мы жили именно там, но потом случилась беда и те, кто не успел спастись бегством, погибли. И силовые бури, дескать, тоже отголоски той катастрофы. Но когда подобные сказки останавливали любопытных?

К сожалению, лебедями летать над облаками дети леса пока не научились, поэтому путь пытались преодолеть по морю. То отдельные романтики, то авантюристы всех мастей, то снаряжённые богатыми энтузиастами экспедиции. Если кто и достигал дальних земель, то не возвращался. А тем, кто уверял, что бывал, гулял или вообще каждый год туда отдыхать выбирается, обычно рекомендовали завязывать с вытяжками и настойками. Конечно, нет такого растения в лесу, которое могло бы убить иналя, но надо же знать меру и беречь данные природой мозги!

Возвращаясь же к экспедиции, я, честно говоря, не знаю, почему этот вопрос встал именно сейчас, да ещё на совете Верховных, да ещё с таким результатом. Не интересовалась. Политика — это вообще последнее, что волнует меня в жизни. Наверное, это не самая умная тактика, ибо великим умам наплевать, помнишь ты об их существовании или нет, главное, они о тебе не забывают. И вот я, неожиданно для себя самой, получила лестное предложение, отказ от которого сулил неприятности.

Если бы я следила за общественной жизнью, эта новость не стала бы сюрпризом или вообще могла меня не найти — уж спрятаться с моими талантами нетрудно. Но застали меня врасплох, дома, и отпираться было бессмысленно. Как результат — две луны безоб-

разной болтанки между небом и водой, а потом мы нашли её. Землю.

Измученные дорогой, живописный зелёный бережок мы готовы были обнять и расцеловать, всей командой высыпавшись через остолдевший корабельный борт и воссоединившись с сушей после короткого заплыва. Но этот разврат, конечно же, пресёк в самом зародыше Лераль. Капитан построил всех по ранжиру, раздал оплеухи и указания, и высадка прошла аккуратно, чётко и не сразу. Сначала разведка и оценка полученных сведений, потом ещё разведка, потом ещё немного разведки и напряжённой мыслительной деятельности, и только на пятый день на рейде осторожный Лель разрешил перебраться на берег. И что-то мне подсказывало, сделал он это не из уверенности в безопасности места, а из понимания, что вопрос скоро встанет ребром: или мы разобьём лагерь, или лицо капитану.

Нет, я конечно утрирую. Лераль хороший командир, его слушались, и никто бы без его разрешения ничего не сделал. Да и сами мы (во всяком случае, большинство) понимали, что осторожность оправданна. Но эти четверо суток в виду берега были самой тяжёлой частью дороги.

На аборигенов мы наткнулись совершенно случайно, а если точнее, то они на нас. Морской берег — скалы, поросшие невысокими кривыми деревцами, пахучим низким кустарником и незнакомым разнотравьем — их не интересовал, жили они в глубине суши, у одной из множества мелких местных речушек. Нашёл нас кто-то из детишек, причём дозорные их засекли, но что-то предпринять не успели — мелюзга быстро сбежала за подмогой.

А потом разбираться, что случилось, пришли женщины, причём безоружные. И замечательно, что именно они: на появление вооружённых аборигенов мы могли отреагировать совсем не так дружелюбно. Не со зла, а просто от страха и напряжения. Для нас живописный берег и пасторальные холмы уже были откровением и большим сюрпризом, ожидали-то пустыню, а уж явление разумыных обитателей — тем более неожиданность.

Что особенно поразило, местные жители, при кардинальных внешних отличиях, очень похожи на нас энергетически. Словно кто-то из богов решил подурачиться, взял и создал иналей наоборот — больших и тёмных.

Тёмные волосы, тёмные глаза, кожа — смуглая с лёгким зеленоватым оттенком. Непривычные лица — широкие, грубоватые. Уши

ощутимо меньше наших. Но самое главное отличие — это, конечно, телосложение местных женщин. Они такие... очень выраженные женщины, вызвавшие у всей команды сильную растерянность эстетического свойства. То есть вроде бы мужчины изголодались по изящному обществу и с удовольствием бы познакомились поближе, но только в теории и не с этими «красотками».

Инали такими не бывают. Наши женщины гибкие, изящные, с небольшой грудью, так что девушке в свободной одежде легко выдать себя за юношу. А эти — мало того, что весьма рослые, так что я со своими внушительными габаритами среди них выделялась разве что тщедушностью, так ещё не обхватишь в некоторых местах: талия узкая, а вот выше и ниже — уже как две меня. Так что даже попыток излишне близкого знакомства не случилось, и это прекрасно: неизвестно, как бы они отреагировали на притязания.

За прошедшие с высадки и знакомства пол-луны мы друг к другу привыкли. Общаться с нами местные не рвались: единожды убедившись в мирных намерениях и с интересом рассмотрев, они ушли и стали относиться к нам как к бесполезному предмету мебели, который жалко выбросить. То есть игнорировали. Не прогоняли, на попытки заговорить — пытались ответить, но более активного интереса не проявляли.

Наибольшую симпатию у них вызывала я. Меня привечали, мне улыбались, угощали ароматным взваром из каких-то местных трав и ягод. И единственная видимая причина такого особенного отношения заключалась в том, что я женщина. То ли разговаривать с мужчинами местным казалось ниже их достоинства, то ли не рекомендовалось по каким-то другим причинам. Во всяком случае, собеседницы уверяли, что я особенная в сравнении со всеми остальными, а вот насколько и в чём и, главное, хорошо это или плохо — я не понимала.

И в этом была главная проблема: речь местных тоже казалась вывернутой наизнанку. Мы говорим певуче, мягко, они — гортанно, с подпрыгиванием. Некоторые слова казались смутно знакомыми, но скорее именно казались. В остальном же преимущество перед остальными сородичами мне давала собственная сила.

Это своеобразный побочный эффект у чрезвычайно опытного мага крови, знающего своё ремесло на уровне рефлекса. Я могу чувствовать кровь собеседника, его настрой, его желания и стремления. Это не чтение мыслей, а скорее дополнение к мимике. Чутьё не

абсолютно, его легко обмануть, оно бесполезно в нормальной жизни, но вот именно сейчас оказалось кстати, позволяло интуитивно понимать аборигенов. Потому Лераль и попросил меня попытаться счастья теперь. Хотя, надо думать, и сам не верил в успех.

Путь к жилищам аборигенов лежал сначала по скалистому берегу, в рябой тени деревьев с мелкими жёсткими листочками, а потом под палящим солнцем через пологие холмы, заросшие злющей колючкой — серебристой, с иголками в полпальца длиной. Именно эта часть дороги объясняла сильное нежелание прямо сейчас исполнять просьбу Лералья. Солнце жгло уже сейчас, утром, а обратный путь меня ждал в самую жару! Но что уж там, обещала.

До чего же паршивый климат. Если бы не было прибрежной полосы с деревьями и буйной зелени в поймах рек, я бы легко согласилась, что легенды не врут и это действительно проклятая мёртвая земля.

Пока шла, прислушивалась к окружающему миру, пытаюсь угадать, что спугнуло аборигенов и подвигло их покинуть обжитые места. Скорее от безделья, чем всерьёз надеясь что-то учуять: своеобразная сущность моей магии накладывает отпечаток, природу я слышу с трудом, гораздо хуже, чем прочие инали. Причём даже дома, где каждый кустик давно знаком, а уж здесь... Если ничего не заметил Лель и остальные, то мне тем более не светит. Но надо же хоть чем-то скоротать дорогу!

Отмахав половину пути, я начала понимать, что здорово потопилась: было плохой идеей отправиться в путь налегке, стоило прихватить как минимум флягу воды и бутерброды. Но поворачивать назад уже не хотелось. Оставалось надеяться, что местные ещё не уехали, и тосковать о лошадях: верхом эта прогулка стала бы куда занимательней.

В конце концов холмы сменились квадратиками убранных полей, разделённых узкими полосами оросительных каналов, или, скорее, канав. Нам сразу показалось странным, что при таком основательном подходе к земледелию местные не строят постоянных прочных домов, живут в шатрах. И именно эта странность до сих пор не давала расслабиться и заставляла Лералья внимательно наблюдать за поведением аборигенов: просто так никто обжитые места не оставляет, должна быть веская причина. С которой мы, надо думать, скоро встретимся. Хорошо, если просто испортится погода; а если нет?